

АЛЕКСАНДР ШУВАЛОВ

★

**СЦЕНАРИЙ
УБИЙСТВА**

МОСКВА
2022

Можете считать все рассказанное в этой книге бредом сивой кобылы или плодом разгулявшегося воображения автора. Спецслужбы России никогда ничем подобным не занимались. Так же как и спецслужбы других стран — наших уважаемых партнеров.

Эпилог, оказавшийся на месте пролога

Москва. Начало нулевых.

- Привет! Ты где?
- Уже на месте.
- Отлично, скоро буду.
- Жду.

Ночь, улица, фонарь, дорога. Автобусная остановка. Не поймешь, не присмотревшись внимательно, где все это происходит. А потом присмотришься — ба, Россия-матушка! Дорога как после бомбежки. На обочинах горы мусора. Краткие, но выразительные комментарии на великом и могучем на двух оставшихся стеклянных стенках остановки. И берущие за сердце слова на приклеенном к стойке листе:

ОПИЛКИ, ПЕСОК, ГРАВИЙ.
КОРОВЫ, КОНИ, НАВОЗ.

Несмотря на позднее время, остановка не пустовала. Некто в темном плаще до пят и надвинутой на нос кепке замер на скамейке в углу — то ли дремал, то ли ждал кого-то.

И дождался.

Мимо него сначала пронеслась, подпрыгивая на ухабах, «Газель». Потом чинно прокатила «музыкальная шкатулка» — тонированная «девятка», — облагораживая окрестности чудными звуками то ли тяжелого рока, то ли таджикского рэпа, а может, и того и другого одновременно.

А потом подъехал невзрачный темный автомобиль. Медленно опустилось переднее правое стекло. Три хлопка слились в один. Так бывает, когда кто-то торопливый или просто умелый ведет огонь из «ствола» с фирменным глушителем. Все пули попали в цель. После каждого попадания фигура на скамейке вздрагивала, не произнося ни звука.

Закончив стрельбу, водитель вышел из машины и двинулся к остановке. Он был невысокого роста, в темных брюках, темной, скрывающей очертания фигуры толстовке и в надвинутом по самые брови капюшоне. Он приблизился к сидящему, присмотрелся и...

И тут в кармане толстовки высветилось окошко телефона, и он сам забился, как рыба на крючке. Опять же без звука.

Глава 1

Москва. Начало нулевых.

Главное разведывательное управление.

— Мне нужен твой парень, Сергеич. Этот, как его... Ах да, Скоморох.

— Имей совесть, Леша! Он же всего десять дней как из командировки!

Хозяин кабинета, моложавый генерал, тяжело вздохнул:

— А то я сам не понимаю.

— А ежели понимаешь, возьми кого-нибудь другого. Из их отдела сейчас трое в Москве.

— Все-то ты знаешь, Сергеич...

Генерал снова вздохнул и искоса глянул на устроившегося за столом напротив здорового седого мужика в надежде, что тот войдет в его непростое положение (впрочем, других положений у начальства не бывает), но с грустью констатировал, что тот не повелся.

— Щас зарыдаю, — хмыкнул тот. — Колись уже, Леха, в чем дело?

Эти двое были знакомы давно и долго, с того самого дня двадцать с копейками лет назад,

когда матерый оперативник капитан Федор Кандауров взялся опекать пришедшего в группу молодого и зеленого, как весенний лист, лейтенанта Алексея Краснова. Кое-чему научил его, пару раз серьезно помог, и у того со временем многое стало получаться. Этим и объяснялся тот факт, что наедине Краснов позволял себе обращаться к старшему по должности и званию на «ты» и называть его Сергеичем, сохранил с тех давно прошедших лет чувство уважения и благодарности к старшему товарищу и бывшему наставнику.

— В чем дело, в чем дело... — проворчал генерал. С некоторым усилием (животик мешал) он дотянулся до приоткрытого сейфа, извлек из его недр папку и протянул собеседнику. — Читай, сейчас все поймешь. — Он поднял трубку телефона внутренней связи. — Два черных кофе. Крепкий и очень крепкий. — Столько лет прошло, а вкусовые пристрастия старшего товарища из памяти не выветрились.

— Да-а-а... — Полковник захлопнул папку. — Интересное кино! Даже не знаю, как идти с этим к Стасу. Даже боюсь, если честно.

— Да ладно, — усмехнулся генерал, прекрасно знающий, что Кандауров Ф.С. никогда, ничего и никого не боялся. — Что этот Скоморох с тобой сделает? Забьет насмерть домашней тапкой?

— Утопит, — на полном серьезе ответил тот. — В слезах.

— Искренне сочувствую... Кстати, где он сейчас?

— На даче в поселке Клязьма.

— У парня дача на Клязьме? Однако!

— У меня там дача, а Стас сейчас самый натуральный бомж. После того как кое-кто, — он ткнул пальцем в сторону начальственного кресла, — турнул его со служебной квартиры, а саму квартиру толкнул налево.

— Это не я, Сергеич! — возопил, прижав руки к груди, хозяин кабинета. — Чем хочешь поклянусь!

— Знамо дело, не ты. Генерал Петя Быстриков, твой предшественник, постарался. Только парню от этого не легче.

— Значит, так. — Генерал пристукнул ладонью по столу. — Беру этот вопрос под личный контроль. Как только твой парень вернется...

— Даже не мечтай, — покачал головой Кандауров. — К его возвращению у него уже должно быть жилье, чтобы я вывез наконец его шмотки из своей квартиры. И учти...

— Уже все учел, — отозвался бывший лейтенант Леха. — Завтра с утра едешь к нему.

Полковник глянул умоляюще:

— Давай в понедельник! Пусть парень еще пару дней отдохнет...

— Черт с тобой, уговорил.

Глава 2

— Вот скажи мне, Дункан: если у тебя тысяча лиц и одно из них добрые люди разбили вдрызг, то почему болит исключительно собственная морда? Родная, пусть и переделанная пластикой.

Дункан молча кивнул.

— И еще: если ты все время живешь чужой жизнью, когда наконец-то удастся пожить собственной?

Ничего себе вопросы, согласитесь. Откуда только, с какого перепою?

Все просто. Дело в том, что я оперативник Главного разведывательного управления. А еще притворщик. Что это значит? А то, что я на совесть обучен без проблем вливаться в любое общество и растворяться в нем без осадка, подобно капле водопроводной воды в стакане с той же водой. Меня принимают за своего жители российской глубинки, где в моде до сих пор спортивные костюмы производства братского китайского народа и где самым элитарным напитком по праву считается коктейль «Фантазер» (фанта плюс водка «Пять озер» в произвольных пропорциях). И на светском рауте, где никто не говорит по-русски, среди господ во фраках и дам в вечерних платьях и с бриллиантами я тоже не буду выглядеть белой вороной, если, конечно, успею вымыть шею, скинуть треники и нарядиться во

что-нибудь подходящее случаю. А еще я могу в кратчайшее время резко поменять образ и начать существовать в нем настолько естественно, что ни у кого не возникнет и тени сомнения, что я именно тот, кем притворяюсь, а не ряженный. В свое время меня здорово обучили этому и многому другому, о чем говорить не стоит. До сих пор не могу понять, как у меня все это получается. Насколько помню, я никогда, с самых юных лет, не испытывал ни малейшей тяги к лицедейству, не участвовал в художественной самодельности и даже не читал стихов со сцены. Да и не стоит называть лицедейством то, чем я занимаюсь. Я ведь не играю, а именно проживаю жизнь персонажа, надев его личину, притворившись им. Этим-то мы, притворщики, — а нас в управлении таких несколько, — и отличаемся от актеров. Ведь на кону в нашей работе стоит не какой-нибудь приз какой-нибудь академии, а успех выполняемого задания, в случае провала которого вряд ли обойдешься одной лишь разбитой мордой.

Кстати о ней, о морде. В конце крайней командировки мне начистили ее трое англоговорящих мажоров. Не слишком сильно, ребята били не для того, чтобы покалечить, а просто с целью слегка унижить и поиздеваться. Возможно, им просто было скучно, и они так развлекались. И ведь я мог бы неприятно удивить всех троих

хотя бы потому, что эти засранцы обучались размахивать ручонками и ножонками в спортивных залах и фитнес-центрах, а я учился выживать на войне. На той самой, афганской, которой нынче дома стесняются, как триппера. А выжить на войне можно, только уничтожив того, кто собирается уничтожить тебя. Да и в дальнейшем я еще кое-чему обучался в разных заведениях без вывесок. Так что мог бы, повторяю, ответить им, но делать этого не стал из боязни выйти из образа милого интеллигентного европейского человека — лоха, если по-русски. Поэтому я смиренно принимал на себя удары и униженно просил этих козлов прекратить меня мутузить. Они и прекратили, когда слегка утомились. Или им просто это занятие надоело.

— Вот так-то, Дункан.

Синяки и ссадины уже несколько дней как сошли. Осталось лишь чувство горечи, хорошо знакомое всем, кто хотя бы раз получал «звездюлей». Да и это чувство быстренько прошло, уступив место куда более сильным эмоциям.

Вернувшись, можно сказать, с победой домой, я с удивлением обнаружил, что дома-то у меня больше и нет. Генерал, начальник нашего управления, перед тем как его за все хорошее с почетом выперли на заслуженный отдых, забацал самый настоящий дембельский аккорд: за какой-то месяц умудрился переоформить четыре

числящиеся за управлением служебные квартиры и тут же их продать. И мою в том числе. Все нажитое непосильным трудом было перевезено на квартиру моего куратора, и я переехал к нему на дачу в поселок на Клязьме. Здесь я и живу вот уже вторую неделю в компании Дункана — здорового ирландского волкодава, чем-то отдаленно напоминающего своего хозяина. Мы виделись года три назад, когда он был еще щенком, сидел у меня на коленях, жевал мою руку и настойчиво требовал внимания и вкусняшек. И он вспомнил меня, отнесся ко мне вполне доброжелательно.

Жизнь потихоньку наладилась. Утром «крошка» Дункан будит меня вежливым лаем, мы завтракаем и отправляемся на речку. Возвращаемся и опять идем спать: я — на диван, он — куда-нибудь в тень. По вечерам после ужина я усаживаюсь в кресло-качалку на веранде. Пес ложится рядом, мы разговариваем. Дункан отличный собеседник, смотрит с пониманием, иногда кивает. И никогда не перебивает.

— Ты классный парень, дружище, хоть и иностранец.

Я почесал пса за ухом. Тот постучал хвостом по полу в знак одобрения.

В первый день, когда я сюда заехал, мы с Сергеичем, моим куратором, как следует отметили окончание командировки, — а заодно и новосе-